Ю.А. Борко

ПЯТИДЕСЯТНИКИ. (Часть 2)

Борко Юрий Антонович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра документации ЕС Института Европы РАН.

Феномен рядовых пятидесятников

Выступая на встрече в театре на Таганке, Василий Аксёнов сказал о себе: «А вообще, если говорить о тех явлениях, которые начались в обществе, то я смело могу себя назвать скорее пятидесятником, чем шестидесятником… Я прозрел гораздо раньше, чем все другие»[1]. У Аксёнова были веские основания утверждать, что он прозрел раньше других. Репрессированные в 1937 г. родители, голодные годы войны (о них он рассказал в автобиографической повести «Ленд-лизовские»), два года жизни вместе с матерью Евгенией Гинзбург в Магадане – центре Колымской зоны ГУЛАГа и поселений бывших «зэков». И всё же его слова могут служить эпиграфом к рассказу обо всем поколении, которое вступило в самостоятельную жизнь в 1950-е годы. Юный Аксёнов был далеко не единственным прозревшим в этом поколении и, стало быть, не единственным пятидесятником в том смысле, в каком он употребил это слово. Их было достаточно много. В 50-е годы обрели известность лишь трое – помимо него, Евгений Евтушенко и Анатолий Гладилин. Позже известными станут и другие. А пока все они – *имярек,* никому не известные *рядовые пятидесятники*, неизвестные в этом качестве даже самим себе.

Это было первое молодое поколение, не попавшее на фронт по возрасту. Самые старшие его представители родились в конце 1920-х годов, самые младшие – накануне войны. Это и поколение автора этих строк – я родился в 1929 г. Поколение, в котором миллионы мальчиков и девочек потеряли отцов, матерей, близких родственников, расстрелянных или сгинувших в тюрьмах и лагерях в годы сталинского террора 30-х годов. Поколение, в котором

1. Шестидесятники-II. Встреча поколений. Ч. 1. – М., 27.05.2006 // www.liberal.ru/articles/, с. 6.

другие миллионы детей и подростков не дождались отцов, а иногда и матерей, погибших или пропавших без вести в бескомпромиссной и безжалостной схватке с нацистской Германией. Поколение, которое познало ужасы и тяготы этой войны, одни – на оккупированной немцами территории, другие – в прифронтовых городах и селеньях, в блокадном Ленинграде, третьи – в эвакуации. Оно рано узнало, что такое голод, и рано, в 13–15 лет, а в деревне гораздо раньше, начало трудовую жизнь. Оно духовно взрослело в обстановке патриотического подъема и параллельно познавало оборотную сторону жизни, становясь свидетелями, а то и жертвами вечных спутников войны – жестокости, подлости и предательства. Те, кто родился на рубеже 20-х и 30-х годов, окончили школу и поступили в университеты и институты в первые послевоенные годы, а окончили их в первой половине 50-х, на переломе эпохи – от сталинского казарменно-лагерного, тоталитарного социализма к хрущёвско-брежневскому авторитаризму и постепенному погружению советского «развитого социализма» в состояние стагнации и склероза.

Жизнь этого поколения – тема огромная, неподъемная в рамках краткого очерка о пятидесятниках. Оно было пестрым, возможно, более пестрым, чем предыдущее. С одной стороны, родившиеся в послевоенные годы новые молодежные субкультуры: романтики в ковбойках и с гитарой, с головой ушедшие в туристскую жизнь, с песнями за полночь у костров; родственные им студенты-энтузиасты, ежегодно отправлявшиеся убирать урожай в подшефных колхозах и на целине; так называемые «стиляги», перенесшие на советскую почву западные молодежные модели, от одежды и прически до пристрастия к джазу, року и барам. С другой стороны, «правильная» молодежь – карьерные выпускники престижных вузов; новая, более образованная поросль комсомольских функционеров и комсомольцы-дружинники, люто преследовавшие «стиляг». А между первыми и вторыми – основная масса молодежи, именуемая «болотом», обывателями и т.п., но фактически неимоверно разнообразная и единая лишь в своей непробиваемой общественно-политической индифферентности.

50-е годы обрушили на нас множество событий. О некоторых из них еще недавно невозможно было помыслить и вдруг они стали явью, будоража наши умы и чувства. Выставка живописи и скульптуры Дрезденского музея в 1955 г. и вернувшиеся вскоре в музейные залы картины зарубежных и российских импрессионистов. Всемирный фестиваль молодежи в Москве летом 1957 г., который был воспринят нами примерно так же, как Колумб и его команда восприняли открытие Америки. Первый конкурс им. П.И. Чайковского, где высшую премию по классу фортепьяно получил американский пианист Ван Клиберн. Взрыв популярности поэзии и многие сотни ее молодых поклонников, приходивших к памятнику Владимиру Маяковскому послушать таких же молодых, как и они, поэтов. Несколько кинофильмов, перевернув-

ших страницу в истории советской кинематографии, среди них – «Летят журавли» Михаила Калатозова (1957) и «Баллада о солдате» Георгия Чухрая (1959).

Но всё это случилось чуть позже, а начало сомнениям и вопросам, раздумьям и постепенному прозрению положили события 1953 г. – смерть Сталина, публичное разоблачение фальшивого дела о «врачах-убийцах», низвержение Лаврентия Берия. На этом фоне к месту и ко времени пришлись два литературных текста – первый очерк из «Районных будней» Овечкина и статья Померанцева. «Новые руководители страны еще клянутся Сталиным, – вспоминал Борис Вейль, – но уже входит в жизнь что-то новое. И вдруг появляется статья “Об искренности в литературе”.., и автор ее – Померанцев – говорит о неслыханных вещах: что литература должна быть искренней»[2]. Все эти события горячо обсуждались в среде молодых специалистов, студентов, а также, хотя и редко, в рабочей среде. Постепенно складывались группы друзей, близких по своим критическим раздумьям и связанных взаимным доверием. Так в нашем поколении рождалась еще одна молодежная субкультура – «инакомыслящих». А затем – XX съезд КПСС, который произвел эффект «Архимедова рычага», перевернув сознание миллионов советских людей. Стало возможным говорить о таких сторонах нашей жизни и страницах нашей истории, упоминать о которых и после смерти Сталина решались немногие да и то в тесном кругу. «В середине пятидесятых, – вспоминала Людмила Михайловна Алексеева, – компании возникали мгновенно, какое-то время бурлили, потом распадались. Ни до, ни после ничего подобного в России не наблюдалось. Компании появились в определенный период как социальный институт, востребованный обществом. У нашего поколения была психологическая, духовная, а возможно, и физиологическая потребность открыть свою страну, свою историю и самих себя. В то время это можно было сделать только одним способом – посредством живого общения»[3]. После съезда из инакомыслия проклюнулись первые ростки политической оппозиции режиму, сотворенному в сталинские времена, и его внутренней политике.

О том, как в 50-е годы зарождалась политическая оппозиция и как реагировала на это власть, в отечественной литературе почти ничего нет. В капитальной книге об истории инакомыслия в СССР, написанной Л. Алексеевой, мельком упомянуты три такие группы, арестованные в 1956–1958 гг.: группа молодых ленинградцев – Револьт Пименов и его товарищи, девять москвичей

2. Б. Вейль. Особо опасный. – London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1980. – С. 45.

3. Л. Алексеева. Поколение оттепели. – М., 2006. – С. 90–91.

во главе с Львом Краснопевцевым и группа С. Пирогова[4]. Между тем в найденных автором материалах упоминается 21 «дело» (16 групповых и пять индивидуальных), возбужденных в 1955–1958 гг. Комитетом Госбезопасности (КГБ) против лиц, обвиненных в «антисоветской деятельности» (ст. 58 УК РСФСР). Командой «органам» стало закрытое письмо секретариата ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «О мерах борьбы с антипартийными и демагогическими элементами».

География арестов достаточно широка: пять «дел» в Москве, три – в Ленинграде, по два в Киеве и Минске, по одной – в Алма-Ате, Тбилиси, Вильнюсе, Харькове и Сталино (ныне Донецк), Армавире, Таганроге, Сызрани, Архангельске. В группах было от двух до девяти человек, а в целом были арестованы и приговорены к лишению свободы – от года до десяти лет – 65 человек[5]. Примерно 85% из них – в возрасте 19–30 лет. Это именно то поколение, о котором рассказано выше. Самой большой группой были студенты – 19 человек из 53-х, о которых есть сведения, причем не только с обществоведческих факультетов, но и медики, физики, строитель. Вторая группа – 17 человек – специалисты с высшим образованием, в основном преподаватели, а также научные сотрудники и инженеры. Неожиданностью оказалось то, что в подпольных группах заметное участие приняли рабочие – 11 человек – слесари, маляр, шофёр, электросварщик, грузчик и т.д., а также шесть конторских служащих.

Приводя эти данные, нельзя не задаться вопросом: насколько они полны? На встрече участников группы Краснопевцева с редакцией журнала «Вопросы истории» один из них, Николай Обушенков, вспоминал: «Когда нас привезли в Дубравлаг в апреле-мае 1958 г., нас поразило обилие молодежи среди заключенных. Были представлены целыми группами Московский, Ленинградский, Киевский и некоторые другие ведущие университеты СССР. В 1957–1958 гг. среди лагерной молодежи было довольно много бывших комсомольских активистов, выступавших до ареста и в лагере с идеями очищения ленинизма от сталинизма или марксизма от ленинизма»[6]. В воспоминаниях об одном из активнейших участников группы Пименова Борисе Вейле рассказывается, что во время его скитаний по лагерям Мордовии и Сибири он

4. Л. Алексеева. История инакомыслия в СССР. – Вильнюс – Москва, 1992. – С. 201.

5. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005; Молоствов М. Ревизионизм – 58 // http://scepsis.net/library/id_1328.html; Дело Поленова – Пирогова // http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6055; Иофе В. Тридцать лет назад, на том же месте (журнал «Былое», 1989, № 2/4) / http://spb-anarchists.anho.org/

6. «Дело» молодых историков (1957–1958) // «Вопросы истории». – 1994. – № 4. – С. 124.

встречался с молодыми участниками «подпольных организаций» из разных городов, в том числе из Барнаула и Свердловска, исключенными из разных вузов. Сам он «делал доклады» о состоянии освободительного движения в Ленинграде, в частности «о деле Лени Тарасюка; о деле Дмитриева; да и о более ранних Красильникове, Красовской, Гидони – всё околоуниверситетская молодежь»[7]. Среди 21 «дела», упомянутого выше, нет ни организаций из Барнаула и Свердловска, ни перечисленных имен ленинградцев. Выходит, во второй половине 1950-х годов судебных процессов политического характера, групповых и индивидуальных, было заметно больше? Насколько? И сколько человек были осуждены тогда за антисоветскую деятельность? Можно предположить, что их количество измерялось трехзначным числом.

История молодежной политической оппозиции 1950-х годов пока ждет своих исследователей. Здесь же я ограничусь кратким рассказом об одной из самых крупных и, так сказать, «продвинутых» организаций, о которой знаю не только по письменным источникам, но и личным воспоминаниям, и очень сжатой характеристикой подпольного движения в целом. Группа, неформальным лидером которой был Лев Краснопевцев, состояла в основном из выпускников исторического факультета МГУ. Она складывалась в течение 1953–1956 гг., а в мае 1957 г. конституировала себя как нелегальная организация, решившая приступить к пропаганде и агитации против преступного режима, созданного Сталиным и, как полагали ее участники, по сути не изменившегося после его смерти[8]. Пропагандой они занимались среди своих бывших однокурсников, вместе с которыми окончили истфак МГУ в начале 50-х годов, или, став его преподавателями – в студенческой аудитории, главным образом на семинарских занятиях и в индивидуальных беседах с «продвинутыми» студентами.

В июле группа провела первую акцию – разбросала в подъездах жилых домов и в метро 300 листовок с подписью «Союз патриотов». Она была посвящена июньскому пленуму ЦК КПСС, который ее авторы рассматривали как схватку за власть двух кланов – Хрущёва и Маленкова–Молотова. Победа группы Н. Хрущёва расценивалась ими как государственный переворот с целью укрепления сталинской системы угнетения. Авторы призывали к борьбе против нее и предлагали программу конкретных преобразований, направленных на демократизацию политической системы. В число ключевых пунктов были включены: проведение партийной и общенародной дискуссии; созыв чрезвычайного съезда партии и ее чистка; суд над всеми сообщниками Сталина, виновными в убийствах; отмена ст. 58 УК РСФСР; усиление роли

7. Елена Пенская. Умер Борис Вейль (1939–2010) / http://www.russ.ru/pole/Umer-Boris-Vajl-1939-2010

8. Подробно там же.

Советов; узаконение права трудящихся на забастовку и создание рабочих советов на предприятиях, с правом смены администрации.

В листовке были изложены ближайшие требования. Что касается подготовки программы, излагающей идеологические основы и долгосрочные цели деятельности организации, то ее участники даже не приступили к этой работе; аресты последовали слишком скоро. Единственным письменным текстом, который они успели обсудить, была работа Краснопевцева «Основные моменты развития русского революционного движения, 1861–1905 гг.». Хотя анализ истории большевистской партии и 40-летнего существования советской власти остался за рамками работы, автор дал общую оценку большевизма, определив его, а равно и все революционные партии и идеологии в России, как «синтез пугачёвщины и разинщины с Евангелием»[9]. Рассматривая большевизм как смену одной формы насилия (самодержавия) другой формой – насилием во имя революционной утопии, автор не усматривал различия между ленинизмом и сталинизмом, отвергая и то и другое. В реферате нет ни слова о целях и методах деятельности «Союза патриотов». Судя по всему, автор и не ставил перед собой такую задачу. Единственным намеком на его предпочтения могла служить ссылка на то, что «социализм на Западе встал на реальную почву жизни, всё больше начал сближаться с демократией»[10]. Однако следующую работу – «Кризис социализма», написанную в августе 1957 г., Краснопевцев завершил выводом: «Марксизм кончился в августе 1914 года. И большевизм, и социал-демократия Шейдемана – это уже не марксизм. …Социализм откладывается, по крайней мере, до того времени, пока оба эти антипода не расшибут себе лбы и не будут сломлены новыми течениями в рабочем движении»[11].

Эту работу автор не успел раздать. В августе-сентябре 1957 г. участники группы были арестованы, обвинены в создании нелегальной организации и антисоветской деятельности и в феврале 1958 г. приговорены к лишению свободы сроком от шести до десяти лет.

У группы Краснопевцева было много общего с другими группами, попавшими в сети КГБ в те же годы. Все они, за исключением одной, возникли как нелегальные организации в короткий период с февраля 1956 по первую половину 1957 г., т.е. после XX съезда КПСС, сыгравшего роль катализатора оппозиционных настроений в стране, особенно среди молодежи. На воображаемом знамени этих групп был начертан девиз: От слов – к делу! Переход к действиям происходил в двух формах – устной пропаганды своих взглядов, включая, главным образом в вузах, открытые выступления на

9. «Вопросы истории». – 1994. – № 4. – С. 111.
10. Там же. – С. 111.
11. Там же. – С. 135.

собраниях, диспутах и т.п., и распространения листовок. По неполным сведениям, половина групп до ареста успели или готовились распространить листовки. Некоторые группы намеревались самостоятельно собрать гектограф для печатания агитационных и пропагандистских материалов, однако времени на это у них не оказалось.

Дать какую-то обобщенную характеристику программных взглядов всех групп представляется почти невозможным делом. Единодушия не было даже внутри групп. В группе Краснопевцева, например, спектр взглядов простирался от полного отрицания марксизма и социализма, которому был противопоставлен реальный опыт развития капитализма и западной демократии, до резко отрицательного отношения к сталинизму при сохраняющейся приверженности марксизму-ленинизму. Как вспоминал через многие годы член этой группы Владимир Меньшиков, «до лагеря (да и в лагере, может быть, в меньшей степени) ни у кого из нас (как и у ребят из других групп) …не было законченной, четко выстроенной, до конца продуманной и понятной идеологии»[12].

Тем не менее кое-что можно всё же обозначить. Общим для всех подпольных групп было осуждение сталинизма, наследником которого большинство участников считали Хрущёва. Сталинизму, как правило, противопоставлялся марксизм-ленинизм. Минский студент-медик В. Козлов, создавший в 1954 г. вместе со своим другом и, возможно, однокурсником Д. Морошеком, подпольный литературный кружок с целью его последующего преобразования в подпольную организацию, написал «Манифест русских марксистов-ленинцев»[13]. Возникшая в Ленинграде группа В. Трофимова, состоявшая в основном из студентов, учредила осенью 1956 г. «Союз коммунистов-ленинцев» в целях борьбы за «истинный социализм». Созданный в 1956 г. в Сызрани «Комитет борьбы за свободу» (трое из четырех его участников были рабочими) распространил в июне 1957 г. листовку, в которой объявлял: «Мы …отвергаем сталинско-хрущёвский социализм – государственный капитализм. Мы за социализм Ленина»[14]. Вероятно, на такой же идейной основе был создан «Социалистический союз борьбы за свободу» («Дело Фельдмана-Парташникова», Киев, 1956 г.).

По-видимому, сторонников более радикальной точки зрения – противопоставления марксизма не только сталинизму, но и ленинизму – было немного. Во всяком случае, ни одна группа, о которой мы имеем какие-либо конкретные сведения, не заявляла об отказе от социализма как такового. В числе конкретных задач назывались борьба против засилья партийной и государст-

12. Владимир Меньшиков. Мысли по поводу… // История инакомыслия. – С. 73.
13. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 71161.
14. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 86658.

венной бюрократии, реабилитация жертв сталинских репрессий, демократизация, «борьба за правду», рабочее самоуправление, «улучшение жизни народа». Собранные вместе эти задачи можно оценить как первые наброски программы реформ, которую в середине 1960-х годов, вне всякой связи с подпольем 50-х годов в Советском Союзе, разработали чехословацкие руководители во главе с Александром Дубчеком, решившие построить в стране «социализм с человеческим лицом».

Особняком от всех стояла группа, созданная в Москве в 1956 г. и назвавшая себя «Народно-демократической партией». Входили в нее пять человек, а основали ее шофер В. Поленов и студент Ю. Пирогов. По сути, это был эмбрион русского национализма. Участники группы называли себя «русскими патриотами» и ставили своей задачей возрождение традиционных ценностей русского народа и борьбу с еврейским засильем в СССР. В мае 1958 г. они были арестованы и осуждены, за пропаганду своих взглядов и распространение листовок, на длительные сроки заключения[15].

В целом политическая оппозиция 1950-х годов представляла собой слепок с российского революционного движения в конце XIX в., вплоть до того, что одна из подпольных групп, которую попытались создать в Таганроге, была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», подобно той организации в Санкт-Петербурге, в которой начинал свою революционную деятельность в 1895 г. Владимир Ульянов. Начальный этап революционной деятельности на базе марксистской доктрины, кружковщина, курс на радикальное изменение или свержение политической системы, не исключая, как было заявлено в двух-трех случаях, вооруженного восстания. Подпольное движение было разгромлено очень быстро. Первый судебный процесс состоялся в январе 1955 г., последний – в декабре 1958 г. Неискушенным конспираторам противостояла мощная и многоопытная организация, насчитывавшая десятки тысяч сотрудников и опиравшаяся на плотную сеть осведомителей. Как правило, аресты следовали вскоре после первой акции с распространением листовок, иногда через несколько дней, а в ряде случаев еще в период подготовки такой акции. Средний срок существования группы составлял примерно год, некоторые группы прожили три-четыре месяца, две группы продержались около двух лет. После такой «чистки» молодежное подполье не давало о себе знать несколько лет.

В целом это был эмоциональный порыв – «не можем молчать!» – последовавший за XX съездом КПСС и ускоренный событиями в Венгрии и Польше. Он заслуживает глубочайшего уважения. Но непосредственного продолжения он не имел. В иное время и в иных странах один-два политических

15. http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6055

процесса, подобных тем, о которых рассказано выше, вызвали бы огромный отклик в обществе. Имена участников стали бы известны не только в своей стране, но и за ее границами. В Советском Союзе они, возможно, сыграли бы роль, сходную с той, какую столетием раньше сыграли декабристы, «разбудившие Герцена». Но ничего подобного не случилось. За три года в стране прошли более 20 таких процессов – и никакого резонанса. Сталин умер, Берия – расстрелян, «культ личности» – разоблачен. Но система изоляции общества от того, что ему не положено было знать, и тотального контроля над информацией продолжала действовать. От подпольщиков не сохранилось никаких «самиздатовских» рукописей. Информация о них расползалась по стране, но те, кто что-то знал, были очень осторожны, потому что распространение «враждебных и клеветнических слухов» было уголовным преступлением и грозило лагерным сроком. О процессах и приговорах знали в коллективах Московского, Ленинградского, Киевского университетов, других вузов и учреждений, студенты, выпускники или сотрудники которых были арестованы и осуждены, не говоря уже о семьях, родственниках и друзьях, у которых тоже были друзья, – словом, десятки тысяч человек. Далеко не все, но всё же многие знали о критических взглядах, нравственных и общественных идеалах осужденных. И опять же не все, кто знал об этом, но немалая часть из них сочувствовали им, в той или иной степени были солидарны с ними.

У первых политических узников послесталинской эпохи были друзья и товарищи, были единомышленники. После завершения суда над участниками группы Краснопевцева председатель КГБ И. Серов направил в Политбюро ЦК КПСС «сов. секретную» Записку. В ней сообщалось, что в ходе следствия удалось выявить «лиц, которые в некоторой степени были причастны к антисоветской деятельности ликвидированной организации» или знали «об антисоветских настроениях отдельных участников»[16]. В документе были перечислены 15 лиц, в отношении которых глава КГБ рекомендовал принять меры дисциплинарные. Члены партии получили строгие выговоры «за потерю политической бдительности и примиренческое отношение к буржуазной и ревизионистской идеологии», а комсомольцы – либо исключены из ВЛКСМ, либо также получили взыскания. Как стало известно в 90-е годы, до того как состоялся суд, в КГБ был составлен и другой, гораздо более обширный список лиц, находившихся в дружеских или товарищеских связях с арестованными. В нем значилось около 150 имен, включая 12 человек, которых КГБ

16. Цитаты и факты приведены по хранящейся у автора копии упомянутой Записки, сверенной с копией, находящейся в архиве «Мемориала» (фонд 167, опись 1, дело 1), в свою очередь, скопированной с оригинала, хранящегося в ЦХСД (Ф. 89. Оп. 6. Д. 8).

намеревался арестовать в дополнение к «девятке». Но Генеральная прокуратура СССР не дала санкции на арест. Сколько человек из того списка разделяли взгляды участников группы, теперь установить невозможно. На упомянутой встрече в редакции «Вопросов истории» В. Меньшиков, рассказывая о пропагандистской работе, которую участники группы проводили в течение нескольких месяцев, сообщил, что арестовано было девять человек, а «можно было арестовать человек 200»[17]. В основном это были или выпускники истфака в 1950–1956 гг., или студенты-истфаковцы, коллеги по работе и личные друзья.

Упоминания о лицах, связанных с подпольщиками, встречаются в материалах, посвященных и другим группам. На судебном процессе, где на скамье подсудимых находились пять человек во главе с Р. Пименовым, были упомянуты 23 человека, так или иначе связанных с ними, но не участвовавших в распространении листовок. Глухо упоминаются единомышленники в материалах о группах В. Трофимова и М. Молоствова. В апреле 1956 г. «Правда» опубликовала статью о чистоте коммунистической идеологии. В ней, в частности, сообщалось, что в одном из академических институтов нашлись четыре члена партии, которые «поют с голоса меньшевиков и эсеров»[18]. Работали они в институте теоретической и экспериментальной физики АН СССР, а лидером этой группы был Юрий Орлов, впоследствии ставший одним из лидеров «диссидентского» движения в стране. Все они были исключены из партии и уволены из института. В 1957 г. аспирант Института востоковедения Виктор Шейнис написал статью «Правда о Венгрии», осудив в ней советское военное вмешательство во внутренние дела страны и подавление восстания венгров против террористического, подобного сталинскому, режима. Автор был исключен из комсомола, отчислен из аспирантуры и направлен «для перевоспитания» на Кировский завод, где проработал у станка шесть лет. Аспирант биологического факультета МГУ Сергей Ковалёв в эти же годы выступил с критикой «лысенковщины» и защитой генетики, еще при жизни Сталина объявленной ложной и идеологически вредной научной теорией.

Надо сказать, что для тех, кто находился в тесных отношениях с осужденными товарищами, всё происшедшее было шоком и вместе с тем отрезвляющим душем. Одни отныне сторонились любых разговоров на общественно-политические темы, другие обсуждали, как себя вести, чтобы «не было мучительно больно…». В частности, такие дискуссии велись в кругу выпускников МГУ, историков, философов и экономистов, окончивших его

17. «Вопросы истории». – 1994. – № 4. – С. 113.
18. «Правда», 5.04.1956.

в 50-е годы. Возникла даже концепция «малых дел» как альтернативы заведомо проигрышной нелегальной политической борьбе против власти. Вкратце она выглядела так: делай свою работу профессионально, не отступай от нравственных императивов, иди на разумный риск и не избегай компромиссов, если это необходимо и если ты при этом не предаешь самого себя или своих единомышленников. Конечно, изложенная в общей форме, эта концепция звучит очень дидактично тем не менее она может быть подтверждена практическим опытом многих конкретных людей, работавших во всех сферах жизни нашей страны в 1960–1980-е годы.

Сколько их было – единомышленников, не раскрытых «органами», или взятых на заметку, но не подпадавших под памятную ст. 58 УК РСФСР? Тысячи? А сколько таких, кто никакого отношения не имел к осужденным, вообще ничего не знал о них, но регулярно читал в 50-е годы «толстые» общественно-политические и литературные журналы. Их аудитория, напомним, насчитывала несколько миллионов думающих читателей, и существенную часть из них составляло молодое поколение, о котором идет речь в этом разделе. Процесс их прозрения развивался подспудно и негласно, с какого-то момента по внутреннему побуждению, на свой страх и риск. Это их имел в виду Виктор Шейнис, вспоминая много позже о подъеме демократического движения в конце 1980-х годов: «Молодое поколение – люди, чья социализация пришлась на послесталинское время, стали ядром такого общественного движения, о котором и помыслить нельзя было за два-три года до того»[19].

Во всяком случае, мы вправе говорить о *рядовых пятидесятниках как о специфическом феномене советского общества в 1950-е годы.* При всем разнообразии личных качеств, профессий, биографий, типов поведения и т.д., их сближали три признака – высокие нравственные стандарты, критическая оценка сложившейся политической системы как антидемократической и бюрократической, а также принципов деятельности и фактической роли правящей партии, и – несмотря на это – сохраняющаяся, за редкими исключениями, приверженность социализму. «Большинство из нас, – вспоминала позже Л. Алексеева, – придерживались социалистических взглядов, и в 1953-м, и в 1956-м, затем в течение двенадцати славных лет “оттепели’’ мы об этом почти не задумывались. В 1968 году мы еще верили в социализм»[20].

Из этого поколения вышли «Восьмерка» на Красной площади в августе 1968 г., диссиденты и правозащитники 70-х и 80-х годов. Из него вышла и выдвинулась на первые позиции группа молодых ученых-обществоведов,

19. Шейнис В. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. – М.: «Мысль», 2014. – С. 361.

20. Людмила Алексеева. Поколение оттепели. – М.: Захаров, 2006. – С. 216.

поставивших во главу угла поиск научной истины и преодолевавших рамки догматизма, псевдонауки и официальной идеологии – Борис Грушин, Герман Дилигенский, Татьяна Заславская, Лен Карпинский, Юрий Левада, Мераб Мамардашвили, Георгий Мирский, Станислав Шаталин, Николай Шмелёв и т.д. Из него вышли молодые писатели, поэты, драматурги, журналисты, кино- и театральные режиссеры, актеры, художники и скульпторы, композиторы, продолжавшие и развивавшие творческие направления, родившиеся в 50-е годы. Наконец, последнее по месту, но не по значению: из него вышли сотни тысяч учителей, врачей, инженеров и конструкторов, агрономов, научных сотрудников, руководителей предприятий и даже низовых партийных функционеров и советских служащих, которым в перспективе предстояло стать критической массой движения за обновление советского общества и государства.

Что нового привнесли «шестидесятники»?

Эта тема заслуживает отдельного исследования и здесь изложена лишь тезисно. 1950-е годы действительно были временем оттепели. Миллионы людей постепенно оттаивали, освобождались от леденящего страха, который, подобно арктическому паку, в течение трех десятилетий сковывал их души. Сфера и масштаб общественной активности в 1960-е годы значительно возросли, разительно изменились ее характер и состав участников, ее методы и формы стали более разнообразными. В начале десятилетия прошла вторая серия судебных процессов против подпольных групп, а затем протестное движение в стране повернуло на новый путь: в СССР впервые с 1920-х годов возникла общественно-политическая оппозиция с акцентом на сопротивление попыткам власти реабилитировать Сталина, на соблюдение Конституции и защиту прав человека, на экономические и политические реформы.

Основные направления и формы «шестидесятничества»:

– первые публикации о массовых репрессиях и жизни заключенных в лагерях ГУЛАГа;

– более острая постановка назревших и наболевших проблем. Публичная дискуссия об экономической реформе;

– коллективные письма-протесты против попыток реабилитации Сталина;

– первые судебные процессы против «инакомыслящих», вызвавшие открытый протест внутри страны (суд над Ю. Даниэлем и А. Синявским);

– «инакомыслие» в общественных науках (философия, экономическая наука, политология и социология, филология);

– в литературе, кино, театре, живописи во весь голос заговорило молодое послевоенное поколение авторов;

– расцвет «Самиздата»;

– первая политическая манифестация в стране – протест против вторжения советских войск в Чехословакию (25 августа 1968 г.);

– «инакомыслящие» и «диссиденты»;

– «диссиденты» и власть. Нарастание репрессий и начало правозащитного движения.